

О национальной идентичности и политическом выборе: опыт России и Китая

Опубликовано 13 декабря 2024 года в журнале «Международная жизнь»

Дмитрий Медведев, Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации, Председатель партии «Единая Россия»

«Нельзя же, в самом деле, отбить в слове «гомеопатическая» букву «я» и думать, что благодаря этому аптека превратится из русской в украинскую»
М.А.Булгаков

Прошедший 11-12 декабря 2024 года по приглашению ЦК Компартии Китая партийно-государственный визит в Китайскую Народную Республику в очередной раз продемонстрировал беспрецедентно высокий уровень двусторонних отношений России и КНР.

У нас нет запретных тем для обсуждения. В ходе переговоров с китайскими партнёрами были затронуты и украинская проблематика, и сирийский кризис, и вопросы противодействия односторонним экономическим ограничениям, принятым в обход Совета Безопасности ООН.

Причина такого доверительного диалога очевидна. Российский и китайский народы связывают дружба и добрососедство, которые основаны на глубоких исторических традициях. В 2024 году мы отметили 75-летие установления дипломатических отношений и образования КНР. Несмотря на происходящие в мире коренные изменения, обусловленные формированием многополярного мира, существуют и неизменные за десятилетия константы. На России и Китае продолжает лежать ответственность за настоящее и будущее человечества. Выполнять эту непростую миссию мы и впредь будем

сообща, по ходу решая оставшиеся от прошлого проблемы, на которых хотел бы остановиться подробнее.

«Разделяй и властвуй»: два измерения одной пагубной политики

Во все времена западная цивилизация стремилась навязать свою волю внешним акторам. И считала самым эффективным способом для этого отнюдь не нанесение им прямого военного поражения, редко возможного из-за постоянной нехватки материальных и человеческих ресурсов у европейцев. Стратегия была куда проще и сводилась к разрушению существующих структур власти изнутри чужими руками. Западный мир пытался воспрепятствовать объединению людей, чтобы те не могли дать отпор врагу, спровоцировать среди них соперничество и разногласия. Ставил во главу угла задачу создать или обратить в свою пользу объективные этнические, языковые, культурные, племенные или религиозные различия.

Можно вспомнить немало случаев, когда отдельные слои населения или группы людей попадались на эту смертоносную удочку. Позволяли вовлечь себя в кровавые и затяжные этносоциальные и этноконфессиональные конфликты. Квинтэссенцией такой политики можно считать принцип *divide et impera* – «разделяй и властвуй». Сам термин начал использоваться в Британии лишь в XVII веке. Однако такая политика была в большом почёте ещё в Римской империи, а наибольшее распространение получила у колониальных империй Европы. Именно она сыграла решающую роль в обеспечении жизнеспособности почти всех крупных колониальных систем, стала неотъемлемой частью деятельности метрополий. И до сих пор является основным способом претворения в жизнь западных управленческих практик.

История знает много примеров целенаправленного разжигания или усиления межэтнических конфликтов. Ни одна метрополия не была заинтересована в процветании зависимых территорий. Проще всего было

сравливать народы и рисовать на политических картах мира искусственные границы, разделявшие целые этнические группы по живому. Это вполне вписывается в комбинацию, которую на рубеже XIX-XX веков описал выдающийся немецкий социолог Г.Зиммель.

По его словам, «третий элемент намеренно порождает конфликт с целью завоевания доминирующего положения, при котором два враждующих элемента настолько ослабляют друг друга, что ни один из них не в силах противостоять превосходству главного интересанта».

Сама же политика «разделяй и властвуй» имела два измерения – горизонтальное и вертикальное. При первом колонизаторы делили местное население на отдельные сообщества, обычно по религиозному, расовому или языковому признакам. Вертикальная проекция возникала, когда иностранное правление сепарировало общество по классовому признаку, таким образом отделяя элиту от масс. Два этих метода обычно синергетически дополняли друг друга.

Одним из ключевых способов претворения в жизнь компонента «разделяй» было целенаправленное насаждение в колониях религиозно-этнических противоречий.

Урегулированием их острейших последствий Организация Объединенных Наций занимается по сей день.

Так, значительным «достижением» имперской политики Лондона было создание и дальнейшее усиление индуистско-мусульманского антагонизма. К примеру, британские колонизаторы завозили в Бирму дешёвую рабочую силу из мусульманской Бенгалии для сельскохозяйственных работ. Этот процесс особенно активизировался после открытия Суэцкого канала в 1869 году, когда в Европе вырос спрос на поставки риса, а колониальная Бирма превратилась в «рисовую житницу». Это привело к формированию в стране обособленной от исповедующего буддизм бирманского большинства мусульманской

бенгальской общины. Её представители («рохинджа») компактно проживали в районах на севере штата Ракхайн (Аракан). У них сложилось особое самосознание, основанное на радикальных подходах. Взаимное недоверие и борьба за ограниченные ресурсы (право на владение землей) коренного населения с потомками трудовых мигрантов привели к кровавым событиям 1942-1943 гг., получившим в британской историографии название «араканская резня». Их следствием стала гибель десятков тысяч людей. В дальнейшем межэтнические религиозные и социальные противоречия лишь неуклонно нарастали. Это привело в 2017 году к массовому исходу рохинджей в соседние страны, признанным самым масштабным переселением народов в Юго-Восточной Азии после кризиса в Индокитае 1970-х годов.

Тот же самый «этнический подарок» Великобритания сделала и киприотам, немало потрудившись для углубления многовекового конфликта между проживающими на острове греками и турками.

Ещё одной излюбленной «забавой» западных цивилизаций было распространение мифов о превосходстве одних народов над другими. Используя стереотипное неравенство арабского и кабийского народов, французские колонисты в Алжире искусно обращали в свою пользу возникающие между ними распри. В их основе были возвращенные Парижем предрассудки о том, что кабийский народ был якобы более предрасположен, чем арабы, к ассимиляции во «французскую цивилизацию».

Опыт Тайваня: лингвистика как оружие воинствующего сепаратизма

Сегодня схемы разделения заготовлены англосаксами для всех «несогласных» с их агрессивным вмешательством во внутренние дела государств всего мира.

Так, помимо безудержной накачки Тайваня вооружениями, они нарочито «закрывают глаза» на усилия администрации Тайваня по «декитаизации» и «тайванизации» острова путём реализации политики возвращения т. н. «тайваньской идентичности» («тайваньского самосознания») – самоидентификации его жителей «как неких оторванных от своих корней «тайваньцев», а не китайцев. В коллективное сознание жителей острова целенаправленно внедряется мысль о том, что в результате длительных исторических процессов, когда весь остров или его части находились под властью разных сил: племён аборигенов, испанцев, голландцев, разномастных пиратов и японцев, образовалась некая новая нация, отличная от главенствующего китайского этноса – ханьцев. Политической квинтэссенцией такого рода действий стал ряд резонансных заявлений Тайбэя: «вплоть до сего дня все, кто правил Тайванем, были иноземными режимами» и «превратим Тайвань в новую Срединную равнину!».

Под такие идейные установки подгоняются различные «тайванецентричные» научные концепции», как например, выдвинутые в начале 2000-х годов концепции «тайваньской нации» и её вариации в виде теории «тайваньской нации по крови», «тайваньской нации по культуре», «политико-экономической тайваньской нации», «вновь поднимающейся нации», а также «общности по судьбе». Авторы этих искусственных теорий стремятся вывести коллективное сознание тайваньцев за рамки традиционной «китайскости» и навязать им некую «некитайскость» как новую национально-гражданскую идентичность.

При этом китайскую культуру они преподносят как лишь одну из многих культур острова, якобы не образующую стержень тайваньской культурной идентичности.

Для их реализации в ход идут такие инструменты, как манипулятивная языковая сепарация, возвращение местечкового национализма, продвижение прозападных ценностно-идейных установок, чуждых китайской традиционной национальной культуре. Ради этого островные поборники сепаратизма, подстрекаемые американскими сенаторами, конгрессменами, а также отставными чиновниками под присмотром многочисленных заокеанских НПО, рьяно отстаивают тезис, что только наличие «национальной идентичности» является единственным основанием для формирования нации и существования государства.

Чтобы посеять максимально пагубный раздор, стратегические недруги изо всех сил изобретают надуманные различия. Серьёзное внимание они уделяют лингвоконфликтологическим рычагам, попыткам переиначить на свой лад «живую душу народа». В Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе прекрасно понимают, что язык – это не только, как обозначал выдающийся советский лингвист С.И.Ожегов, «главное средство общения, орудие обмена мыслями и взаимопонимания людей в обществе». Это важный инструмент поддержания многовековых традиций, которые скрепляют связь поколений, а также особый социокультурный компонент и маркер политических предпочтений. Именно поэтому Запад наносит идеологический удар по языку как элементу гражданской солидарности. Цели очевидны: спровоцировать извне кризис самоидентификации и утраты исторической памяти, подорвать присущие нашим цивилизациям ценностные ориентиры – справедливости, добра, милосердия, сострадания, любви. А главное – заменить их суррогатом неолиберальной повестки дня.

В основе этого – настойчивое желание разрушить тысячелетние алгоритмы жизнедеятельности людей. Чтобы искусственно раскрутить тему т. н. «тайваньского языка», западные силы готовы зацепиться за различия в

написании иероглифов, незначительные изменения некоторых лексем, особенности южноминьского диалекта.

Так, тайваньские сепаратисты пытаются преувеличить значение малосущественных различий между используемым официальным языком всего Китая (в том числе Тайваня), который в республиканском Китае называли «гоюй» (государственный язык), а в КНР в 1955 году переименовали в «путунхуа» (обычный язык). Символично, что островным властям приходится выкручиваться и ставить язык на службу политике. Акцент нынешних тайваньских властей на различие местной и континентальной языковой ситуации выглядит как составная часть усилий по созданию «тайваньской идентичности». В практическом плане поощряется издание книг, акцентирующих сложившиеся несущественные фонетические различия китайского языка на двух берегах Тайваньского пролива. А в школьной и институтской образовательных программах всячески подчеркивается (естественно, с политическим подтекстом) то, насколько гоюй отличается от материкового китайского, и его якобы имеющееся превосходство.

С точки зрения объективной логики исторических, культурных и лингвистических процессов, языковой баланс между тайваньским и материковым вариантами китайского языка напоминает в определённой степени отношения между диалектами немецкого языка. Мало кто – от учёного до обывателя – будет утверждать, что не существует бундесдойч, австрийского (южнонемецкого) и швейцарского национального варианта немецкого языка. Однако все они входят в общий для Германии, Австрии и Швейцарии континуум, «золотым стандартом» для которого является немецкий литературный язык – хойдойч. Так же, как крайне редко в современном языкознании признается относительная самостоятельность британского и американского английского. Вековые традиции отдельного развития, вылившиеся в формирование ряда фонетических, орфографических

и грамматических особенностей, не являются камнем преткновения для общения и понимания граждан этих двух стран.

Особую деструктивную роль в сдерживании развития Китая играет Национальный фонд содействия демократии (НФСД, деятельность которого была признана нежелательной на территории России), используя вопросы, связанные с Тайванем, Гонконгом <...>, чтобы спровоцировать раскол и противостояние внутри КНР. Эта сомнительная структура давно занимается по заказу учредителей из Конгресса США подрывными когнитивными операциями по всему земному шару и часто именуется «вторым ЦРУ».

После 1945 года власти острова активно прибегали к принудительной «деяпонизации» и «китаизации» (введению в оборот гоюй вместо тайюй) в области языковой политики, а с 2000 года пытаются, хоть и без особого успеха, проводить курс по обратной замене официального гоюй на «тайванский язык» (тайюй). Всё это до боли напоминает языковую политику на Украине разнообразных кравчуков, кучм, ющенко и порошенок после 1991 года. Упомянутый НФСД в период с 2007 по 2015 годы выделил более 30 млн долл. США на поддержку украинских НПО и содействие «гражданскому обществу». Во время Евромайдана 2013-2014 гг. он финансировал «Институт массовых коммуникаций» для распространения ложных нарративов, а также потратил десятки миллионов долл. США на разжигание этнических противоречий на Украине через социальные сети Facebook, X (ранее Twitter) и Instagram.

Пекину, в свою очередь, никому ничего доказывать не надо. Путунхуа – общий язык для всех граждан КНР, мощный источник мудрости и вдохновения. Язык современного, прогрессивного и процветающего Китая.

Некие «оригинальные» языковые традиции Тайваня – далеко не единственная зацепка для западных неокolonизаторов. Не оставлен в стороне и вопрос исторической памяти. Вопреки официальной историографии КНР, которая исходит из исторического существования Тайваня в качестве одной из

областей провинции Фуцзянь, а с 1887 года – отдельной провинции Цинского государства (что свидетельствует о принадлежности Тайваня к «одному Китаю»), тайваньские «эксперты» ставят империю Цин в один ряд с другими иностранными державами, осуществлявшими колониальное управление островом. Действуют они, конечно, по хорошо испытанным англосаксонским лекалам фальсификации истории.

С этих же ангажированных позиций сторонники независимого Тайваня стараются преувеличивать позитивные проявления экономической модернизации острова под контролем японцев.

Они противопоставляют её действиям китайских властей в первые десятилетия после окончания войны, игнорируя мнения умеренно настроенных по отношению к КНР политических сил, которые указывают на отрицательные проявления колониального управления острова в годы японской оккупации (1895-1945 гг.).

В таком же ключе администрация Лай Циндэ выстраивает свою фальсификаторскую линию в отношении резолюции Генассамблеи ООН от 1971 года № 2758, в соответствии с которой именно Правительство КНР было признано единственным законным представителем Китая в ООН вместо т. н. «Китайской Республики» Чан Кайши. Однако поборники сепаратизма указывают на то, что резолюция не содержит упоминаний об острове и его политическом статусе. А значит – не может считаться основанием для ограничения международной правосубъектности Тайваня, который, в свою очередь, имеет право претендовать на место в ООН и других межправительственных структур. А в будущем – и стать частью западной «демократической семьи».

Курс Тайбэя, как обычно, находит понимание и поддержку со стороны англосаксонских государств, которые достаточно лукаво подходят к трактовке принципа «одного Китая». С одной стороны, они признают исключительные

полномочия правительства КНР на то, чтобы это государство было представлено в системе ООН. С другой – поощряют усилия Тайбэя по получению права участия в деятельности межправительственных механизмов вроде ВОЗ и ИКАО. Последний пример – в ноябре 2024 года парламент Канады, тесно координирующий подходы с союзниками в рамках межпарламентского альянса по Китаю (объединяет законодателей «коллективного Запада», сочувствующих Тайваню), единогласно принял провокационную резолюцию, призывающую к участию Тайбэя в спецучреждениях ООН и иных международных организациях.

Такие лживые и тенденциозные вбросы – достаточно частое явление. Среди них и беспочвенные «хотелки» Украины лишить Россию места в Совбезе ООН. Стоит, однако, вспомнить о международно-правовых последствиях Второй мировой войны. Вопрос возвращения оккупированных Японией китайских территорий, включая Тайвань, был урегулирован и зафиксирован в ряде международно-правовых актов, в т. ч. в Потсдамской декларации 1945 года. А в результате образования 1 октября 1949 года КНР ей перешли суверенные права над всей международно признанной территорией страны, включая Тайвань. Поэтому принадлежность острова не могла быть предметом рассмотрения упомянутой резолюции № 2758. В то время как сам документ закрепил принцип «одного Китая».

На долгосрочную перспективу англосаксы ставят перед собой конкретную политическую цель – всесторонне переформатировать «островную идентичность». Это позволит размыть принцип «одного Китая», провозгласить независимость Тайваня по косовскому сценарию, подорвать статус-кво в Тайваньском проливе. А в дальнейшем – сформировать уже формально зависимый от США форпост в Восточной Азии. Вполне в русле вашингтонских устремлений вовлечь Азиатско-Тихоокеанский регион в орбиту НАТО, стравить государства друг с другом.

К принципу «разделяй и властвуй» британцы и американцы прибегают и в случае с Гонконгом, который воссоединился с Китаем в 1997 году, после того как более полутора веков находился в зависимости от Великобритании. Ложное содержание «гонконгских установок» будто под копирку взято с «тайваньского вопроса». Это и пустопорожняя болтовня о «гонконгской (неханьской) идентичности», и наглое навязывание тезиса о том, что жители Гонконга должны следовать «особым путем», то есть смотреть в рот англосаксонским элитам. Ради этого финансируются различные проекты, направленные на дестабилизацию Гонконга (в частности, в 2020 году упомянутый Национальный фонд содействия демократии выделил на эти цели 310 тыс. долл. США). А также получают поддержку «правильные» исследования прикормленных учёных, которые всячески содействуют неокolonизаторским замашкам Лондона и Вашингтона. Как и любые другие акции, направленные на подрыв единства китайской нации.

В истории XX века есть и другие примеры, когда внешние силы старались переформатировать национальную идентичность в своих геополитических целях. Японские интервенты целенаправленно пытались искоренить в марионеточном государстве Маньчжоу-Го ханьский язык. Одновременно они навязывали маньчжурский язык, который тогда почти не использовался. Эти лингвистические эксперименты имели вполне очевидную политическую цель – уничтожить единую ткань общекитайских идейно-ценностных ориентиров и подвергнуть население тотальной манкуртизации. Конец этой бесчеловечной практике в 1945 году положила Красная Армия и китайские патриоты Коммунистической партии Китая.

Украина: новые упражнения Запада в социальной вивисекции

Подобное социальное «живосечение» оккупанты – на этот раз западные – настойчиво проводят в наши дни на Украине. Стремятся уничтожить

русский язык, стереть из исторической памяти общие славные страницы прошлого, создать «иванов, не помнящих родства». Украина стала аналогом марионеточного субъекта Маньчжоу-Го, образованного японской военной администрацией в 1930-х годах. Однако Маньчжоу-Го императорская Япония создала с помощью своих вооруженных сил. Современный Киев же кормится с рук стран «коллективного Запада», который, помимо накачки его вооружениями, управляет им с помощью политических технологий «мягкой силы». Для этого создана вся необходимая сеть НПО, подконтрольная американским и европейским спецслужбам.

Западные силы действуют против нас по тому же лицемерному принципу «разделяй и властвуй». Их истеблишмент и украинские идеологи настойчиво пытаются использовать на Украине «тайваньский», «гонконгский» и иной опыт (включая Маньчжоу-Го). Их задача – доказать, что русские и украинцы столь далеки друг от друга, насколько это только можно вообразить. Оторвать Украину от России, посеять рознь и устроить этническое размежевание.

Эту якобы имеющуюся уникальность киевской хунте помогают открыто подпитывать. Здесь подвизаются внешне приличные научно-аналитические центры и уважаемые издания по обе стороны океана, включая Лондонскую школу экономики и политических наук, Международный научный центр имени В. Вильсона, «Вашингтон пост», «Политико» и т. д. Плодить фейки помогает и основанный в США ещё в 1973 году Украинский научный институт Гарвардского университета. Все они много лет целенаправленно тиражируют евроатлантические пропагандистские штампы, множа статейки и доклады с однотипными незамысловатыми названиями – «проверка фактической точности кремлевской версии украинской истории», «Украина и Россия – это не одна страна», «украинцы и русские – не один народ» и т. д.

В реальности западные «эксперты» и заискивающие перед ними соросовские адепты из различных украинских НПО не могут выиграть спор у исторической правды. И всё же они упорно вкручивают в общественное сознание набор банальных идей, уводя рассуждения ложным курсом. С одной стороны, эти убогие теоретики признают духовную близость народов России и Украины, их принадлежность к единому культурному пространству (sic!). С другой – считают, что наши идейные ориентиры якобы радикально отличаются. Апеллируя к тому, что ряд территорий несколько столетий находился под властью Польши и Литвы (а затем и с 1569 года – Речи Посполитой), они стремятся подвести научную базу под концепцию постепенного развития православным населением этих земель собственной идентичности (естественно, «свободной»), принципиально отличной от идентичности восточнославянского населения (естественно, «рабской»). Не менее тенденциозно трактуется и языковой вопрос: при нахождении земель в составе Речи Посполитой украинский язык развивался на них, дескать, в относительной изоляции от русского.

Так ли это? Исходить из безусловного различия народов, живущих в России и на Украине, а также относить к украинцам всех её жителей – это грубая ошибка. Само слово «украинцы» до середины XIX века не имело современного этнического значения, а было, скорее, географическим понятием – местом происхождения или проживания человека. Объяснение достаточно простое: никаких самостоятельных государственных образований на территории современной «Незалежной» не существовало ни в период создания современной системы национальных государств сразу после Вестфальского мира 1648 года, ни в XIX веке, когда в Европе появились новые и независимые Греция, Бельгия, Люксембург, Италия, Германия, Болгария. Смотреть на генезис Украины через классическую призму «государство – нация» бессмысленно. История Украины неотделима от истории событий на

её территориях, входивших в разное время в состав других стран. Равно как правильнее рассуждать не о культурно-этнической дихотомии «украинцы – русские», а «окраинизированные русские – русские».

Бредовой является и идеологема о некой «Руси-Украине», вошедшая в оборот с подачи русофоба М.С.Грушевского и поддерживавших его шовинистов и ксенофобов В.Б.Антоновича, Д.И.Дорошенко, Н.И.Михновского в начале XX века. Тогда им требовалось обосновать преемственность «политического украинства» от древнерусского государства – проекта, который зарождался под чутким австрийским управлением в западной Украине. Максимально продлить историю «Незалежной» вглубь веков, приватизировать прошлое Руси, сформировать у населения особое антироссийское самосознание. Этот симулякр не возник бы без участия заинтересованных внешних сил. Единственным преемником древнерусского государства является Россия, а русские и украинцы – это не просто братские народы, а один народ.

Не менее важен и языковой вопрос. Так же, как в случае с Тайванем и тамошними лингвистическими экзерсисами по линии «путунхуа» – «гоюй» – «тайюй», недруги воспевают даже не красоту и мелодичность самого украинского языка, а его антагонизм к русскому, намеренно разрывая ткань многовековых традиций. Подлинное малороссийское наречие, имеющее корни в церковнославянской литературе, до XVIII века было намного ближе к русскому языку (тогда ещё не современному литературному). Сохранилось немало малороссийских и галицийских исторических источников того времени, в т. ч. казацких приказов по Запорожскому войску, львовских летописей и т. д. Их язык очень похож на язык, которым были написаны документы времен царей династии Романовых Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Тем очевиднее выхолощенность теории нынешней мовы, в основу которой положен «полтавский диалект» Т.Шевченко. А также

ущербность того мнения, что настоящий украинский язык, который существует «где-то там» на Западной Украине, должен быть максимально не похож на русский.

Были ли малороссы дискриминируемой группой населения во время Российской империи? Безусловно, нет. В России жители Малороссии признавались неотъемлемой частью титульной нации, русского народа. Степень их интеграции в общеимперскую действительность была весьма значительной. С правовой точки зрения в политическом, культурном, религиозных отношениях их положение и статус были ничуть не хуже, чем у великороссов. То, что они обладали всеми возможностями для профессиональной самореализации и карьерного роста, подтверждают хрестоматийные имена выдающихся сановников: А.Г.Разумовского и К.Г.Разумовского, В.П.Кочубея, А.А.Безбородко, фельдмаршалов и генералов – И.В.Гудовича и его сыновей К.И.Гудовича и А.И.Гудовича, М.И.Драгомирова, И.Ф.Паскевича (в Отечественную войну 1812 года уроженцами украинских губерний были 29% офицеров русской армии), деятелей искусства и науки – И.К.Карпенко-Карого, Н.И.Костомарова, И.К.Кропивницкого, П.К.Саксаганского, М.С.Щепкина.

За все 300 лет пребывания в составе Российского государства Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощённой народностью». При этом для проживавших на территории Российской империи различных групп инородцев (в терминах тех времен), имевших яркую по сравнению с титульным этносом национальную самобытность, идентификация в качестве русских немцев, русских поляков, русских шведов, русских евреев, русских грузин – это нормальная фигура речи.

В то время как фраза «русские украинцы» объективно звучит как абсолютная нелепость. Можно ли было себе представить такое в Речи Посполитой или Австро-Венгрии? Там, напротив, русское – в самом широком

контексте – население всегда являлось намеренно искриминируемым меньшинством. Галиция и Волынь сегодня – оплот ортодоксальной русофобии, который ассоциируется с Бандерой, Мельником, Шухевичем, а также факельными шествиями в честь гитлеровских приспешников. Однако эти регионы были такими далеко не всегда. В период их нахождения в составе Австрии (с 1867 года – Австро-Венгрии), после разделов Речи Посполитой в конце XVIII века, там существовало мощное русофильское движение галицко-русских (русинских) общественных деятелей (А.И.Добрянский-Сачуров, А.В.Духнович, Д.И.Зубрицкий и др.). Они были настроены на достижение общерусского единства, максимальное сопряжение усилий с Москвой по формированию панславянского мира. Вена, которая поначалу стремилась не допустить рост влияния России в Галиции и на Волыни в середине XIX в., постепенно осознала, что могла бы использовать украинские политические брожения в регионе и для борьбы с самими галицкими русофилами по принципу *divide et impera*. Без помощи австрийской администрации у украинофильской группировки в Галиции и на Волыни не было ни единого шанса одолеть силы, ориентированные на Москву.

Одновременно, готовясь к Первой мировой войне, Вена решает как можно быстрее легализовать идею польского этнографа Ф.Духиньского о неславянском – угро-финском – происхождении русского народа (существующую по сей день в головах руководства «Незалежной»). Запустить вирус самостийности и укроепаратизма в сопредельные российские губернии, чтобы спровоцировать отделение от России окраинных областей. Двор Франца-Иосифа рассчитывал, что по итогам победы они должны были отойти в зону влияния Австро-Венгрии. Превратились бы эти области в государство-сателлит Вены или же стали некой расширенной автономией, большого значения не имело. Главной задачей украинских националистов было «закошмарить» промосковскую партию в регионе и забросить

максимально далеко на Восток идею разности малороссов и великороссов, тем самым нанеся максимальный ущерб России.

Не случайно в августе 1914 года при финансовой поддержке МИДа Австро-Венгрии националистическими полиэмигрантами во Львове (а после освобождения города русскими войсками – в Вене) начал действовать т. н. Союз освобождения Украины, который выполнял мелкие агентурные поручения разведок Центральных держав. Практической пользы от него было мало, однако австрийские средства позволяли «кормить» патентованных зоологических русофобов и социал-дарвинистов, мечтавших об отколе Украины от России. Таких как Д.Донцов, Ю.Меленевский, М.Железняк. Это прямой исторический отсыл к собраниям различных «смердяковых» под крышей «форумов свободных народов пост-России» (Верховным Судом Российской Федерации признан террористическим), равно как и к псевдодемократическим протестам в Гонконге в 2019 году. Везде одна и та же хорошо знакомая «крыша» – ЦРУ, МИ-6, БНД. Их методы внесения раскола в стан своих противников не меняются столетиями.

Настоящим кошмаром стал для галицко-русского населения австрийский террор в годы Первой мировой войны. Репрессии включали в себя и выносившиеся военно-полевыми судами смертные приговоры, и творимые с подачи венской администрации расправы со стороны украинских националистов, и депортации в отдаленные районы Австро-Венгрии. Значительная часть русофильских жителей, арестованных за свои воззрения, была выслана в печально известные концлагеря Терезин и Талергоф. Примерно то же самое испытает на себе славянское и еврейское население оккупированных гитлеровцами территорий СССР, Польши, Чехословакии в годы Второй мировой войны.

Если Холокост и геноцид народов Советского Союза официально признаны и осуждены с международно-правовой и исторической точек зрения,

то этноцид галицко-русского населения – пока нет. Однако такая оценка и сегодня весьма уместна. Это было бы справедливо в отношении памяти невинных жертв австрийского террора. Некоторые из них, например, казненный в 1914 году иерей Максим Горлицкий, причислен Украинской Православной Церковью Московского Патриархата к лику священномученика. Самостийный национализм и его духовные наследники нигде не должны чувствовать свою безнаказанность.

Ни на фронте, ни в тиши библиотек и архивов, ни на псевдонаучных сходках, организуемых всякими «всемирными конгрессами украинцев», которые кишат потомками коллаборационистов и нацистских военных преступников.

Россия и Китай: опыт возвращения земель на историческую Родину

Россиян и украинцев можно сравнить с ханьцами, населяющими разные регионы и провинции Китая. На территории современного Китая в разные исторические эпохи, включая и период Сражающихся царств от V в. до н. э. до объединения Китая императором Цинь Шихуанди в 221 году до н. э., и период пяти династий и десяти царств в X веке, существовали отдельные государства (иногда их было десятки), которые вели кровавые междоусобные войны. В том числе – с подачи внешних сил. Период собирания земель в Китае в империи Сун в X-XII вв. был ознаменован небывалым подъемом во всех сферах жизни. Он означал подлинную революцию того времени, которая определила облик Азии вплоть до XVII в. Китайские историки рассматривают все исторические этапы как неразрывный процесс функционирования единой китайской нации. И лишь по исторической случайности она была временно разделена на полунезависимые государственные образования.

Весьма схоже российская историография подходит к осмыслению отечественного прошлого – начальному пребыванию княжеств в составе

Древнерусского государства, периода феодальной раздробленности, а затем процессу объединения Руси в централизованное государство во главе с Москвой. Именно эти этапы дали импульс для всего цивилизационного развития нашей страны вплоть до сегодняшних дней.

И для России, и для Китая такая историческая преемственность, многовековая единая этнонациональная линия служит неисчерпаемым источником богатства культурного наследия и традиций. Вносит важный вклад в формирование общественной идентичности каждой страны.

Примечательно, что, несмотря на абсолютно разный характер украинского и тайваньского вопросов, для западников они слились воедино. Это лишний раз доказывает их искусственное происхождение при участии иностранных деструктивных сил, в первую очередь США и Евросоюза. Однако оторванные от реальности авантюры рано или поздно заканчиваются военными провалами, а мятежные провинции вновь оказываются дома.

Возвращение наших земель на историческую Родину, территорий, которые были потеряны благодаря политическому недоразумению в ходе исторических катаклизмов конца 1980-х – начала 1990-х гг., не более «преступно», чем аншлюс ГДР со стороны ФРГ в 1990 году. Тогда нас убеждали, что логика исторического процесса оправдывает воссоединение немецкой нации. Но фактически никакого «объединения» Германии не было. Не проводилось референдумов, не разрабатывалось общей конституции, не создавались единая армия или общая валюта. Восточная Германия была поглощена соседним государством. Осудил ли кто-то тогда этот случай ирредентизма вопреки закрепленному в Хельсинском заключительном акте 1975 года принципу нерушимости границ? Мир лишь рукоплескал в ответ. Впрочем, вопрос, хотели ли они этого единения сами или же их манипулятивно заставили «захотеть», и сегодня остается открытым. Экономические реалии, менталитет и даже язык восточных и западных немцев

за 45 лет после окончания Второй мировой войны стали различаться едва ли не больше, чем сегодня эти же показатели у китайцев и населения Тайваня или жителей Смоленщины и Приднепровья. Однако это никого не смутило – та разница была «у кого надо разница».

На этом фоне стоит упомянуть, что и россияне отличаются от проживающих на территории Украины людей не более, чем жители Великопольского воеводства – от жителей Поморского воеводства Польши, чем жители земли Северный Рейн-Вестфалия от жителей Тюрингии. При этом между населением Шлезвиг-Гольштейна и Баварии в Германии, Нормандии и Окситании во Франции, не говоря уже о Стране Басков и Каталонии в Испании, Англии и Северной Ирландии в Великобритании серьезных различий – бытовых, языковых, этнокультурных – намного больше, чем между жителями Псковской и Харьковской областей.

Несколько важных выводов

Изложенное позволяет сделать определенные выводы о соотношении национальной идентичности и политического выбора. Они вполне очевидны.

I. Классический принцип западных цивилизаторов «divide et impera» несёт неисчислимы страдания и беды всему миру, служит источником многочисленных этнических и социокультурных конфликтов, а также тотального экономического неравенства. Так было ранее в истории, так продолжается и сегодня.

II. Сегодня разжигание межнациональной или межрасовой вражды сводится к конструированию национальной псевдоидентичности какой-либо этнической группы для её откола от государствообразующего народа. Так Вашингтон и его сателлиты поступают с Россией, так делают в отношении Китая и многих других государств. Тайвань – это органичная и неотъемлемая часть общекитайского пространства, административная единица Китайской

Народной Республики. Подстрекаемые из-за океана попытки изобрести тайваньские государственность, нацию или язык являются искусственными и, как следствие, нежизнеспособными.

III. Сегодня перед Украиной стоит выбор – быть с Россией или вовсе исчезнуть с карты мира. При этом от украинцев не требуется класть «ни душу, ни тіло» за свою свободу. Им следует усмирить гордыню «инаковости», отказаться от противопоставления себя общерусскому проекту и изгнать демонов политического украинства. Наша задача – помочь жителям Малороссии и Новороссии построить Украину без морока «украинства». Закрепить в общественном сознании, что Россия для Украины незаменима ни в культурном, ни в языковом, ни в политическом планах. Если же так называемая Украина продолжит следовать агрессивным русофобским курсом, она навсегда исчезнет с карты мира так же, как испарился когда-то марионеточный субъект Маньчжоу-Го, искусственно созданный милитаристской Японией в качестве прокси-силы на территории Китая.

IV. В Галиции и Волыни – сегодняшней «кормовой базе» политического украинства – в своё время имелись мощные общественные силы, ориентированные на Россию. В ходе Первой мировой войны они подверглись геноциду. В контексте той русофобии, которая наблюдается в этих регионах сегодня, событиям исторического периода начала XX века надо дать беспристрастную оценку.

V. Русские и украинцы – один народ. Попытки вбить клин между нами с исторической точки зрения абсолютно несостоятельны и преступны. Выговские, мазепы, скоропадские и бандеры в разные годы разбивали свои головы об общерусскую стену. Так будет и сейчас.